

Конкурентное право: через ограничение к свободе

Аннотация. Автор критически относится к пониманию конкурентного права как отрасли, ограничивающей предпринимательскую деятельность. В статье показано, что отсутствие конкурентного права как комплексной системы правовых норм приводит к ограничению предпринимательской свободы — монополизации и картелизации экономики.

Автор задается вопросом, почему защита конкуренции потребовала применения правовых средств, а не осталась уделом экономической политики? В чем смысл формирования конкурентного права как комплексной системы, обеспечивающей эффективность рыночной экономики?

В поиске ответа на эти вопросы автор приходит к выводу о том, что право упорядочивает антимонопольную политику, делает ее понятной и предсказуемой для всех участников гражданского оборота. Однако проведенный автором анализ сущности права позволил прийти к дополнительным выводам, показывающим, что конкурентное право, устанавливая пределы свободы субъектов регулируемых отношений, представляет собой систему норм, направленных на обеспечение свободы участников рыночных отношений.

Ключевые слова: конкуренция, защита конкуренции, рынок, монополизация, монополизм, монополистическая деятельность.

**Дмитрий Игоревич
СЕРЕГИН,**

кандидат юридических наук, доцент кафедры конкурентного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), советник юридической фирмы «Юст»
d-seregin@mail.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2022.95.7.029-038

DMITRY I. SEREGIN,

Cand. Sci. (Law),

Associate Professor of the Chair of Competition law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),

Counsel of Yust Law Firm

d-seregin@mail.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Competition law: through restrictions to freedom

Abstract. The author is critical of the understanding of competition law as an industry that restricts entrepreneurial activity. On the contrary, the article shows that the absence of competition law as a complex system of legal norms leads to a restriction of entrepreneurial freedom — monopolization and cartelization of the economy.

The author wonders why the protection of competition required the use of legal means, and did not remain the lot of economic policy? What is the

© Д. И. Серегин, 2022

meaning of the formation of competition law as a complex system that ensures the effectiveness of the market economy?

In search of an answer to these questions, the author comes to the conclusion that the law regulates antimonopoly policy, makes it understandable and predictable for all participants in civil turnover. However, the analysis of the essence of law carried out by the author allowed us to come to additional conclusions showing that competition law, by setting limits on the freedom of subjects of regulated relations, is a system of norms aimed at ensuring the freedom of market participants.

Keywords: *Competition, protection of competition, market, monopolization, monopoly, monopolistic activities, unfair competition.*

С момента перехода России к рынку и появления в стране конкурентного права прошло уже более 30 лет. Однако оценка роли конкурентного права по-прежнему не однозначна. В некоторых случаях конкурентное право рассматривается как механизм ограничения предпринимательской деятельности¹, как препятствие для инновационного развития², как нечто, дающее государству «дополнительные рычаги воздействия на предпринимательские объединения, ограничивая их экономическую, а значит, и политическую силу»³.

Стоит признать, что конкурентное право включает различные по своему характеру правовые нормы, многие из которых воздействуют на свободу того или иного субъекта гражданского оборота. Однако это не является какой-либо специфической чертой именно конкурентного права. В этом, собственно, и состоит суть правового регулирования — установление и обеспечение государством определенных правил поведения предполагает упорядочивание общественных отношений, а следовательно, невозможность осуществления субъектом своей свободы исключительно по своему усмотрению.

Конкуренция же по своей природе не может существовать в отсутствие каких бы то ни было правил, об этом свидетельствует и мировая история. Преимущества конкуренции в экономической литературе описаны достаточно подробно.

Конкуренция по сравнению с монополией приводит к снижению цены на товары. В условиях конкуренции объем производства благ является оптимальным,

¹ См., например: *Борзило Е. Ю.* Антимонопольные ограничения предпринимательской деятельности хозяйствующих субъектов : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016 ; *Малютина О. А.* Правовые ограничения предпринимательской деятельности в России // *Юридическая техника.* 2018. № 12. С. 550—554.

² Так, например, А. С. Ворожечич, негативно оценивая перспективы распространения антимонопольного законодательства на интеллектуальную собственность, утверждает, что антимонопольное законодательство не учитывает «все ценности, функции патентной системы, в том числе инновационного развития, поощрения самой по себе изобретательской деятельности» (*Ворожечич А. С.* Пределы осуществления и защиты исключительного права патентообладателя : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 150).

³ *Надеждин Н. Н.* Гражданско-правовое обеспечение предпринимательства. М., 2019. С. 43—44.

а выгоды участников товарооборота сбалансированы. Конкуренция стимулирует предприятия искать новые решения, оптимизировать производство, экономить ресурсы. Инновационная активность на конкурентных рынках, как правило, выше. Так или иначе конкуренция ценна тем, что за редким исключением оказывается более эффективной по сравнению с «неконкуренцией».

Да, мировая экономика знает немало примеров, когда рынок не справляется с возникающими проблемами и конкуренция оборачивается банкротством, обесцениванием человеческого труда или массовыми увольнениями, иными неблагоприятными последствиями.

Однако в целом следует согласиться с тем, что конкуренция, если ей не мешают, создает положение, при котором, во-первых, производиться будет все, что хоть кто-нибудь умеет производить и может продать с прибылью по приемлемой для покупателя цене; во-вторых, все будет производиться теми, кто может делать это по крайней мере столь же дешево, как и еще кто-то (хотя этот кто-то на деле, возможно, и не производит данный продукт); в-третьих, все будет продаваться по цене более низкой (или по меньшей мере по столь же низкой), какую в принципе мог бы назначить некто, на самом деле данного товара не продающий⁴.

Если взглянуть на историю становления рыночной экономики, можно заметить, что конкуренции достаточно долго не мешали. Процесс перехода от феодальной к капиталистической экономике в Европе начался в отдельных странах в XVI—XVII вв. после так называемых буржуазных революций. Он сопровождался сложными социально-экономическими процессами: первоначальным накоплением капитала, появлением новых слоев общества — буржуазии и свободных (наемных) работников, переходом от ремесленного к мануфактурному производству и разделением труда. Далее следовали переход к фабричному производству, промышленные революции, индустриализация.

Поскольку на первоначальном этапе формирования капиталистической экономики происходило освобождение предпринимательства от феодальных взаимоотношений с государством, предполагалось, что государство не должно вмешиваться в экономику. Считалось, что государство должно было играть роль «ночного сторожа», или «минимального государства», которая сводилась к обеспечению условий для функционирования рыночной экономики⁵.

Однако политика невмешательства привела в конце XIX — начале XX в. к монополизации мировой экономики. Следует признать, что отдельные отрасли в силу чисто экономических причин обречены если не на монополистическую, то на олигополистическую модель. Сложно представить, что множество небольших предприятий могут успешно справляться с производством тяжелой техники, железнодорожного транспорта, магистральных самолетов. Эффективный масштаб производства в разных отраслях значительно различается, и сегодня страны, имеющие полноценное антимонопольное законодательство, допускают существование монополий.

⁴ Хайек Ф. А. фон. Право, законодательство и свобода : Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. М., 2006. С. 395—396.

⁵ Шамхалов Ф. Собственность и власть. М., 2007. С. 364.

Монополизация экономики к началу XX в. была масштабной. А там, где не было монополий и еще оставалась конкуренция, предприятия пытались создать синдикат, трест, картель.

В таких объединениях виделся способ преодоления деструктивных последствий конкуренции. И. И. Янжул отмечал, что: «промысловые синдикаты представляют собой не продукт частного произвола... а лишь необходимый вывод, логическое следствие из всей истории человечества и его современного строя... Уничтожить их невозможно и немислимо в такой же степени, как отменить всю прошлую историю культуры, поэтому остается частному лицу — их изучать и исследовать, а государству — по возможности регулировать, в интересах общего блага»⁶.

В конце XIX в. в законодательстве Канады и США появились специальные антимонопольные нормы. Однако, как отмечается в литературе, в США закон Шермана долгое время находился в «спящем» режиме и его активное применение начинается только во время президентства Теодора Рузвельта⁷.

Страны Европы и Россия правовой опыт США не спешили воспроизводить. Да, в национальном законодательстве отдельных стран существовали положения, которые потенциально могли использоваться для борьбы с проявлениями монополизма, антиконкурентными соглашениями.

Так, в России ст. 1615 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. предусматривала наказание за «стачку торговцев и промышленников для возвышения цены не только предметов продовольствия, но и других необходимой потребности товаров, или для непомерного понижения сей цены, в намерении стеснить действия привозящих или доставляющих сии товары, а через то препятствовать и дальнейшему в большем количестве привозу оных»⁸.

В Германии уголовная ответственность за проявления монополизма, и в частности антиконкурентный сговор, отсутствовала. Однако § 138 Гражданского уложения Германии от 18.08.1896⁹ указывал, что сделка, нарушающая добрые нравы, недействительна. Кроме того, § 1 Промышленного устава Германии закреплял принцип свободы промышленной деятельности.

Статья 419 Уголовного кодекса Франции 1810 г.¹⁰ предусматривала уголовную ответственность, в частности, за сговор или объединение между основными владельцами одного товара, которые направлены на предотвращение его продажи или на продажу по определенной цене. Статья 420 Кодекса предусматривала

⁶ Янжул И. И. Промысловые синдикаты или предпринимательские союзы для регулирования производства преимущественно в соединенных штатах северной Америки. СПб., 1895. С. 32—33.

⁷ Закон Шермана // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 9. С. 168.

⁸ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1845. С. 640.

⁹ Гражданское уложение Германии // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Code Pénal De 1810 Édition originale en version intégrale, publiée sous le titre: Code Des Délits et des Peines (Troisième partie) Titre II Crimes et Délits Contre les Particuliers. Section 1. Meurtres et Autres Crimes Capitaux, Menaces D'Attentats Contre les Personnes // URL: https://www.ledroitcriminel.fr/la_legislation_criminelle/anciens_textes/code_penal_1810/code_penal_1810_3.htm (дата обращения: 29.03.2022).

ужесточение наказания, если предметом преступления были такие товары, как кукуруза, зерно, мука, хлеб, вино. Однако широкого применения данные нормы не получили, и монополизация/картелизация экономики процветала.

Как отмечает А. В. Венедиктов, русская судебная практика того времени исчерпывалась решениями киевских окружного суда и палаты по делу киевского синдиката сахарозаводчиков, петроковского окружного суда по делу польского синдиката по выделке клея и петроградского коммерческого суда по делу «Прод-уголь»¹¹.

В Германии имперский суд твердо установил, что картельные соглашения сами по себе не противоречат ни добрым нравам, ни началу предпринимательской свободы. Подобное противоречие имеется налицо лишь в том случае, если внутренне присущая каждой картели монополистическая тенденция превращается в ростовщическую эксплуатацию потребителей или если столь же неразрывно связанное с картелями ограничение хозяйственной самостоятельности их участников вырождается в серьезную угрозу для их личной и экономической автономии¹².

Французская судебная практика «настойчиво отказывается» от применения указанных статей Уголовного кодекса, снабженных весьма суровой санкцией, к синдикатским соглашениям¹³.

Даже в Австрии, где законодательный запрет на соглашения, направленные на повышение цен, активно применялся судами, монополизация и картелизация не сбавляли темпов.

А. В. Венедиктов указывает на то, что суды настойчиво аннулируют картельные соглашения, если только участники картелей не сумеют предоставить безусловных доказательств, что им совершенно чуждо всякое стремление повлиять на образование цен (задание, вряд ли выполнимое).

Но суровое отношение закона и судебной практики не только не воспрепятствовало возникновению картельных организаций в Австрии, но даже не смогло задержать их широкого развития: число картелей и их участников непрерывно возрастало, враждебное же отношение к ним судов, в крайнем случае, давало толчок лишь к полному слиянию предприятий, ускользающему из-под действия § 4 Закона 1870 г. о коалициях¹⁴.

Так или иначе, значительную часть XX в. специальное законодательство, направленное на всестороннюю комплексную защиту конкуренции, в мире отсутствовало (отнесение к таковому законодательства Канады и США представляется спорным).

Поддержка эффективности рынка (в тех странах, где он сохранился) оставалась уделом проведения специальной экономической политики и воздействия (прямого или косвенного) на деятельность компаний со стороны государства. Собственно говоря, возможность вмешательства государства в экономическую

¹¹ Венедиктов А. В. Картели и синдикаты // Вестник гражданского права. VI. Очередные вопросы в литературе гражданского права (литературное обозрение). 1915. № 4. С. 122.

¹² Венедиктов А. В. Указ. соч. С. 138.

¹³ Венедиктов А. В. Указ. соч. С. 144.

¹⁴ Венедиктов А. В. Указ. соч. С. 144.

сферу при сохранении базовых рыночных механизмов отличает современную рыночную экономику от классического капитализма, крах которого пришелся на первую половину XX в.

Конкурентное право современного образца начинает формироваться в Западной Европе только в послевоенное время. Восточная Европа и Россия формируют правовую базу, необходимую для защиты конкуренции, в конце XX в., при переходе к рынку. Иными словами, пусть и не сразу, но общество пришло к необходимости включения защиты конкуренции в периметр права.

Почему же защита конкуренции потребовала формирования конкурентного права как комплексной системы, обеспечивающей эффективность рыночной экономики, а не осталась уделом экономической политики?

Самый простой ответ на этот вопрос, очевидно, связан с тем, что право устанавливает единые и понятные всем участникам гражданского оборота правила. Проведение какой бы то ни было политики без однозначного понимания всеми субъектами общественных отношений ее целей, пределов вмешательства со стороны государства, меры свободы, которой могут пользоваться участники товарооборота, очевидно, не будет успешным. Иными словами, право упорядочивает антимонопольную политику, делает ее понятной и предсказуемой.

Однако более глубокое осмысление поставленного вопроса требует отталкиваться от сущности права. Среди множества подходов к правопониманию наиболее близким к рассматриваемой проблеме, как представляется, является определение, которое дает видный отечественный ученый, В. С. Нерсисянц. Он указывает: «...под сущностью права мы имеем в виду принцип формального равенства, который... представляет собой единство трех подразумевающих друг друга сущностных свойств (характеристик) права — всеобщей равной меры регуляции, свободы и справедливости... Присущая праву всеобщая равная мера — это именно равная мера свободы и справедливости, а свобода и справедливость невозможны вне и без равенства...»¹⁵.

Исходя из этого, следует констатировать, что конкурентное право призвано гарантировать формальное юридическое равенство, равную свободу всех участников общественных отношений, возникающих при осуществлении предпринимательской деятельности. И в этой равной свободе состоит справедливость.

Защита конкуренции является гарантией свободы предпринимательской деятельности, и лишь в условиях конкурентного рынка имеется реальная возможность для осуществления гражданами своих экономических прав, гарантированных Конституцией РФ. Это:

- равенство прав и свобод человека и гражданина (ст. 19);
- свобода использования своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (ст. 34).

Следует заметить, что, несмотря на отсутствие в Конституции прямого указания на «формальное» равенство и «равную» свободу, речь идет именно об этом. В праве не может быть никакого иного равенства, кроме формального, а свобода в современном обществе может быть только равной.

¹⁵ Нерсисянц В. С. Философия права. Либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. 2002. № 3.

Такие категории, как право, равенство, свобода, справедливость, привлекают внимание человека уже в античный период. Однако представления о них у древних мыслителей были весьма специфическими.

Так, Аристотеля не только не смущает рабство, он даже признает его справедливым, считая очевидным, во всяком случае, что одни люди по природе свободны, другие — рабы, и этим последним быть рабами и полезно, и справедливо¹⁶. Очевидно, что мудрец V—IV вв. до н.э., рожденный в условиях, когда уже несколько веков рабовладение являлось нормой жизни, а свободное население достаточно ощутимо делилось на сословия, воспринимает существующую структуру общества как обыденность и либо оправдывает ее, либо не видит в этом расслоении противоречий с представлениями о справедливости, свободе и равенстве.

Греки ценили свободу. Демокрит провозгласил: «Бедность в демократии настолько же предпочтительнее так называемого благополучия (граждан) при царях, насколько свобода лучше рабства»¹⁷. Но насколько свободен был житель древнегреческого полиса в действительности?

Во-первых, возрастание степени свободы одних слоев общества неизбежно сопровождалось ее сокращением у других. Расслоение составляло фундамент древнегреческого общества, и оно же обеспечивало его процветание. Как отмечает М. И. Козьякова, само существование полиса делается в конечном счете возможным лишь благодаря труду рабов. Исключив в известной мере тяжелый физический труд и вообще труд, цель которого — зарабатывать на жизнь, эллинские и римские граждане освободились для более высоких занятий: искусством, спортом, политикой, интеллектуальной деятельностью¹⁸.

Во-вторых, будучи членом определенной общности, человек мог пользоваться своей свободой во благо ее членов, но не мог осуществить ее за пределами этой общности. Община жестко контролировала своих членов: любая независимость осуждалась, любой индивид, противопоставивший себя коллективу, был вне закона¹⁹.

Аналогичным образом не шло речи о всеобщей равной свободе ни в Древнем Риме, ни в средневековой Европе. Люди могли быть свободны и равны между собой лишь в пределах своего сословия.

Свобода с такими допущениями существовала и в основанной на рабовладельческих отношениях Римской империи, и в образовавшихся впоследствии странах Европы, для которых классическое рабство было нехарактерно, но социальное расслоение в которых произошло достаточно быстро.

Как в античном мире, так и в средневековой Европе степень свободы сильно различалась в зависимости от положения человека в обществе. Зависимость раба от хозяина сменяется зависимостью крестьянина от феодала. Усилившееся расслоение «свободного» общества приводит к формированию вассальной зависимости самого феодала от сеньора.

¹⁶ Аристотель. Сочинения : в 4 т. М., 1983. Т. 4. С. 384.

¹⁷ Малахов В. П. История политических и правовых учений : хрестоматия. М., 2015. С. 34.

¹⁸ Козьякова М. И. Свобода как феномен европейской истории и ее современная апология // Знание. Понимание. Умение. 2019. № 1. С. 163.

¹⁹ Козьякова М. И. Указ. соч. С. 164.

Современное наполнение понятия свободы и равенства, как представляется, получают в период, на который приходится первая промышленная революция, европейские буржуазные революции и, наконец, эпоха Просвещения. В этот период отношение к существующему фактическому неравенству в целом становится негативным.

Б. Спиноза (1632—1677) говорит о том, что в «гражданском состоянии» (то есть, в обществе, где имеется верховная власть) свободы каждого индивида равны, а это неминуемо приводит к возникновению границ у индивидуальной свободы. Он отмечает: «Нельзя никоим образом себе представить, чтобы каждому гражданину по установлению государства было дозволено жить по своему усмотрению, и, следовательно, то естественное право, что каждый является своим судьей, в гражданском состоянии необходимо прекращается»²⁰.

Разницу между естественной свободой (которая безгранична) и свободой «в обществе» (уже имеющей границы) отмечает Дж. Локк (1632—1704): «Естественная свобода человека заключается в том, что он свободен от какой бы то ни было стоящей выше его власти на земле и не подчиняется воле или законодательной власти другого человека, но руководствуется только законом природы. Свобода человека в обществе заключается в том, что он не подчиняется никакой другой законодательной власти, кроме той, которая установлена по согласию в государстве, и не находится в подчинении чьей-либо воли и не ограничен каким-либо законом, за исключением тех, которые будут установлены этим законодательным органом в соответствии с оказанным ему доверием»²¹.

Нельзя не отметить, что Дж. Локк не считает возможным и абсолютное равенство во всем: «Хотя я сказал выше... все люди по природе равны, меня не следует понимать так, что это равенство распространяется на все: возраст или добродетель могут давать людям справедливое превосходство; исключительные достоинства и заслуги могут поставить кого-либо над общим уровнем; происхождение может побудить одних, а союз или выгоды других оказывать почтение тем, кому природа, благодарность или другие поводы обязывают его оказывать».

Однако, несмотря на признание Дж. Локком фактического или природного неравенства людей, он замечает: «И тем не менее все это не противоречит тому равенству, в котором находятся все люди в отношении юрисдикции или господства одного над другим. Именно об этом равенстве я и говорил как об относящемся к рассматриваемому предмету, имея в виду то равное право на свою естественную свободу, которое имеет каждый человек, не будучи обязан подчиняться воле или власти какого-либо другого человека»²². Тем самым он формулирует принцип всеобщего равенства перед законом.

Не принимал свободу в гражданском состоянии (политическую свободу) как вседозволенность и Ш. Л. Монтескьё (1689—1755): «Политическая свобода состоит совсем не в том, чтобы делать то, что хочется. В государстве, т.е. в обществе, где есть законы, свобода может заключаться лишь в том, чтобы иметь возможность делать то, чего должно хотеть, и не быть принуждаемым делать то, чего не

²⁰ Спиноза Б. Сочинения. М., 1999. Т. 2. С. 260.

²¹ Локк Дж. Сочинения : в 3 т. М., 1988. Т. 3. С. 274.

²² Локк Дж. Указ. соч. Т. 3. С. 292.

должно хотеть... Свобода есть право делать все, что дозволено законами. Если бы гражданин мог делать то, что этими законами запрещается, то у него не было бы свободы, так как то же самое могли бы делать и прочие граждане»²³.

Таким образом, к XVII—XVIII вв. европейская политико-правовая мысль подошла к пониманию взаимосвязи между свободой, равенством и правом, которым мы и сегодня пользуемся, рассуждая о правовом регулировании.

Сама суть права состоит в обеспечении равной свободы. Без права участника общественных отношений неминуемо вторгаются в сферу свободы друг друга, и в этом столкновении кто-то побеждает, получая больше свободы, а кто-то проигрывает и лишается части своей свободы. Право устанавливает пределы индивидуальных свобод, проводя их по точкам соприкосновения со свободами других участников общественных отношений, не предоставляя никому заранее преимуществ.

Конкурентное право, в свою очередь, устанавливая те или иные правила, очерчивает пределы свободы субъектов регулируемых отношений, за которыми начинается свобода других.

Существование конкурентного права обусловлено необходимостью обеспечения свободы всех участников рыночных отношений (конкурентов, контрагентов, потребителей, государства), и главной задачей является то, чтобы эта свобода была равной. Субъект, занимающий доминирующее положение, и субъект, имеющий незначительную рыночную долю, имеют равные свободы, они равны в своих притязаниях на рынок, хотя и имеют разный экономический потенциал.

То же можно сказать и про равенство между субъектами, которые уже давно работают на рынке, и субъектами, только выходящими на рынок. Конкурентное право обеспечивает свободу каждого из них в равной мере.

Исходя из этих рассуждений, можно заключить, что конкурентное право представляет собой систему норм, направленных на обеспечение свободы участников рыночных отношений в самом широком смысле.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Аристотель*. Сочинения : в 4 т. — М., 1983. — Т. 4.
2. *Борзило Е. Ю.* Антимонопольные ограничения предпринимательской деятельности хозяйствующих субъектов : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2016.
3. *Венедиктов А. В.* Картели и синдикаты // Вестник гражданского права. — VI. — Очередные вопросы в литературе гражданского права (литературное обозрение). — 1915.
4. *Ворожеевич А. С.* Пределы осуществления и защиты исключительного права патентообладателя : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2015.
5. Закон Шермана // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2017. — № 9.
6. *Козьякова М. И.* Свобода как феномен европейской истории и ее современная апология // Знание. Понимание. Умение. — 2019. — № 1.

²³ *Монтескьё Ш. Л.* О духе законов. М., 1999. С. 137.

7. Локк Дж. Сочинения : в 3 т. — М., 1988. — Т. 3.
8. Малахов В. П. История политических и правовых учений : хрестоматия. — М., 2015.
9. Малютина О. А. Правовые ограничения предпринимательской деятельности в России // Юридическая техника. — 2018. — № 12.
10. Монтескьё Ш. Л. О духе законов. — М., 1999.
11. Надеждин Н. Н. Гражданско-правовое обеспечение предпринимательства. — М., 2019.
12. Нерсисянц В. С. Философия права. Либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. — 2002. — № 3.
13. Спиноза Б. Сочинения. — М., 1999. — Т. 2.
14. Хайек Ф. А. фон. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. — М., 2006.
15. Шамхалов Ф. Собственность и власть. — М., 2007.
16. Янжул И. И. Промысловые синдикаты или предпринимательские союзы для регулирования производства преимущественно в соединенных штатах северной Америки. — СПб., 1895.